

ДВИЖЕНИЕ К ЕДИНЕНИЮ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕРКВЕЙ И ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО МИРА*

В наши дни недоумений, кризиса, распада, исканий и ожесточенной борьбы большая, еще недостаточно обратившая на себя внимание внешнего мира работа, большое сосредоточенное усилие в сторону единения и совместной религиозной помощи миру производится христианскими Церквами. Это так называемое «Экуменическое движение», которое, как известно, нашло себе одновременно выражение в трех организациях: 1) в Лозаннском движении «Вера и церковное устройство», направленном в сторону единства в вере и церковном строе, 2) в Стокгольмском сотрудничестве Церквей на почве практического христианства и 3) во «Всемирном Объединении для осуществления содружества народов через Церкви».

Организации эти находятся в тесном соприкосновении и сотрудничестве друг с другом, особенно первые две, но каждая, как мы увидим, отмежевала себе отдельную самостоятельную область церковной работы.

Наиболее яркой и глубокой по духу, наиболее творчески духовной является Лозаннская организация. С другой стороны, от «Всемирного Объединения содружества народов через Церкви» веет, как это отчасти можно было ожидать, духом конгрессов, духом бумажных резолюций, духом дипломатического христианства; это младший брат Лиги Наций (хотя возник он еще до великой войны). Однако и здесь совершается некая важная и настоящая работа духовного сближения представителей разных национальных Церквей на почве христианского подхода к животрепещущим вопросам политики и взаимоотношения народов.

Каждый год в конце лета и в начале осени (обыкновенно конец августа – начало сентября) происходят съезды руководящих комитетов этих организаций; съезды довольно многочисленны, ибо одни уже руководящие комитеты этих организаций насчитывают много членов. Так, Комитет по продолжению работы Лозаннской организации насчитывает 134 члена. Я третий год участвую в этих годовых съездах, и каждый год я все более убеждался во все растущем значении этого движения сотрудничества Церквей.

Но, повторяю, духовный фокус этого экуменического движения – Лозаннская организация... «Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино». Единство христианства в вере и богочитании не есть что-нибудь, имеющее лишь отвлеченное значение, что-нибудь, касающееся лишь внутренней жизни – оно есть источник силы духовной, питающей жизнь, излучающейся в жизни и просветляющей ее. Лозаннская конференция и движение, связанное с нею, не стремится достичь компромиссных решений, не думает, не задается целью путем дипломатических «круглых столов» преодолеть рознь христианства, она не считает, что различие между христианскими вероисповеданиями лишены всякого значения или могут быть всецело исторически оправданы с точки зрения исторического релятивизма. Она является лишь той почвой, на которой встречаются между собою христианские Церкви для разговоров о вере, не для догматических компромиссов и комбинаций в

уверенности, что Дух Святой наставит искренне ищущих и приведет когда-нибудь силою Своею, а не разумом нашим, к полноте единства во Христе тех, кто единомысленно молятся о единстве: «Да будет едино стадо и Един Пастырь».

И вот по мере работ «Лозанны» все сильнее и сильнее, с неожиданной яркостью и убедительностью возникает сознание, что христианские Церкви ближе друг к другу, чем они думали. Другими словами, протестантство все больше отказывается от субъективизма последнего периода своего развития, от односторонней заостренности своих полемических формул, чтобы все более возвращаться к богатству и полноте апостольской проповеди. Христианские Церкви ближе друг ко другу, чем они предполагали, или еще вернее будет сказать: Дух Божий есть Дух Животворящий, соединяющий рассеченное, и исцеляющий немощное, и восполняющий ущербленное из Своей полноты. Трудно поверить, когда слышишь речи протестантских делегатов на лозаннских собраниях, что это говорят подлинные протестанты – так сильно звучит в них нотка церковности, так много в них уважения к Преданию Древней Церкви, так подчеркивают они общение святых, такую важную центральную роль играет во многих речах Таинство Евхаристии. <...>

18 – 21 августа [1931] в Хай Ли (старое имение с большим домом и парком в 25 милях от Лондона, которое прежними владельцами Баркли было специально завещано для устройства в нем разных религиозных конференций) происходил затем общий съезд Комитета по продолжению работы Лозаннской организации. Съехалось 84 делегата и, кроме того, человек 15 представителей молодого поколения из разных стран и Церквей. Председательствовал архиепископ Йоркский д-р Темпл, необычайно привлекательный и умелый председатель, человек большого религиозного и нравственного веса. Из года в год это Лозаннское движение растет в глубину. Получаешь впечатление очень многообещающих ростков, большой религиозной и духовной серьезности и подлинности, духовного горения. Особенно интересны были речи, указывающие на необходимость не ограничиваться бумажным делом дипломатическо-бюрократической организации, не ограничиваться внешними сравнениями формул, а стараться подойти вплотную к духовному опыту Церквей в самых основах церковной жизни. Решено было в связи с этим следующее годовое собрание (предполагаемое в Висбадене в середине августа 1932 года) посвятить Таинству Евхаристии и поставить при этом во главу молитвенный опыт Церквей – Таинство Евхаристии в жизни христианских Церквей. Молодежь и некоторые представители старшего поколения очень настаивали на том, чтобы эти годовые съезды длились не 2,5 – 3 дня, как до сих пор, ибо в три дня мало можно успеть, что сделать, кроме текущей внешнеорганизационной работы, а целую неделю – для более плодотворного и интенсивного обмена мыслями по существу и для более тесного контакта друг с другом, и было решено так и поступить в следующем году. Молодежь бурно приветствовала это решение аплодисментами и топаньем ног.

Исполнительный комитет Стокгольмского движения и общий интернациональный съезд делегатов «Всемирного содружества народов через Церкви» (на этом последнем съезде было 300 делегатов от 34 национальностей, из коих 150 человек более молодого поколения) собрались после закрытия Лозаннского съезда один за другим в Кембридже. Огромная практически-филантропическая и просветительно-исследовательская работа сосредоточилась в Стокгольмском движении. Красота колледжей, их сады с протекающей по ним речкой Кем, внутренние дворы с арками и колоннадами, полные воспоминаний о великих людях, учившихся или

учивших здесь (поэты: Бен Джонсон, Марло, Флетчер, Мильтон, Грей, Вордсворт, Колридж, лорд Байрон, Теннисон; романисты: Л. Стерн, Теккерей, историк Маколей; кембриджские платонисты, Исаак Ньютон, Эразм Роттердамский и т. д. и т. д.) – все это производит чарующее впечатление. Приятно между делом, не спеша, без цели бродить по садам и аркадам колледжей. Приятно жить в обстановке этой необычайной красоты (делегаты «Всемирного Объединения» жили в Тринити Колледж).

Более грустно было то, что президиум «Всемирного Объединения» «из боязни ли не понравиться большевикам или из чрезмерной осторожности отказался даже рассмотреть и огласить в общем собрании предложение митрополита Стефана Болгарского об обращении к правительствам держав с просьбой вступить за заключенных в тюрьмах и сосланных большевиками членов русского духовенства. Даже говорить о положении Церкви в России не было разрешено, а наскоро была принята прошлогодняя резолюция, притом даже неоглашенная. Не думаю, чтобы была большая польза для дела просветления и облагорожения международной атмосферы Христовым духом от этого избытка мудрости земной и вместе с тем от этого недостатка христианского милосердия и нравственной смелости во имя Христово. Вина в этом лежит, однако, не на председателе лорде Диккенсене (он был прежде генеральным секретарем организации и только что был избран председателем), а на некоторых других членах президиума, весьма почтенных, но слишком мудрых светски и слишком безмятежно и спокойно живущих, чтобы сердцем понять и пережить горе и страдания Русской Церкви и поболеть о ней. В этом отношении Лозаннская организация, не побоявшаяся открыто высказать свое братское горячее участие Русской гонимой Церкви, которая была обозначена в речах даже как «венец чести» всего христианского мира, оказалась гораздо более на высоте. То же можно сказать и про Стокгольмское движение, деятельно старающееся помочь чем можно.

Как бы то ни было, эта совместная работа Церквей есть явление огромного значения, и значение это растет с каждым годом и захватывает все большие круги.

Одновременно с этой работой в общехристианском масштабе идет более конкретная работа сближения между отдельными Церквями. Давно уже, как известно, намечается стремление к сближению между Англиканской и Православной Церквями. Со времен Оксфордского движения Англиканская Церковь все более и более возвращается к полноте древнецерковного, Апостольского Предания, и это является не процессом археологической реставрации, а живым, жизненным процессом, охватывающим все более широкие круги англиканства. Нужно только увидеть и ощутить, какую центральную и основоположную роль в жизни многих и многих англикан, да и в жизни Англиканской Церкви в целом, начинает опять все больше играть Таинство Евхаристии [21], чтобы понять, как близки мы к этим представителям англиканства в нашем отношении к величайшему, центральному Таинству Церкви. Нужно познакомиться с проповедью многих из лучших сторонников англокатолицизма (епископ Гор и др.), с их сосредоточением на тайне *воплощения Господа* и со всем направлением их благочестия и их религиозного мирозерцания, вытекающим отсюда; с их стремлением подчеркнуть освящение всей жизни, всех ее сторон, всего существа нашего – и физического и духовного, всей деятельности нашей – и личной и общественной, всей жизни нашей – пока *in spe, in potentia* – из этой закваски вечной жизни, преизбыточествующей Жизни Божественной, вошедшей в мир, из этого решающего, исключительного, основоположного факта: «Слово плоть бысть» [22].

Здесь мы – на почве первохристианства, на почве апостольской проповеди, на почве древних отцов, на почве православного мирозерцания. Это сосредоточие духовного взора нашего на преизбытке Славы Божественной, – славы воплощенного Слова («мы видели славу Его, славу как Единородного от Отца, исполненного благодати и истины»), открывшейся в вочеловечении, страдании крестном и в воскресении и освящении твари силою вочеловечения Его, и Креста Его, и Воскресения Его, и Его победы над смертью, залога нашей всеобщей победы над смертью. Это и есть ведь основа, и центр, и *все содержание* православной веры. В Православной Церкви поток этого благодатного созерцания Славы Его и поток жизни, вытекающий отсюда, никогда не прерывался и не замирал; англиканству же за последние 100 лет пришлось во многом вернуться к исконному, общему нашему наследию – к апостольской, древнецерковной полноте христианского опыта и мирозерцания, к Апостольскому Преданию, к богатству жизни Церкви. Особенно отличительной чертой многих лучших представителей англиканства в этом процессе есть сосредоточие их интереса и на *социальной*, общественной стороне христианского свидетельства, – свидетельства не только словом, но и делом любви о преизбыточествующем богатстве, явившемся нам Сокровище, вошедшем в мир. Этот пафос социального служения любви может быть всецело вдвинут в рамки «иоанновского» мирозерцания: «Мы знаем, что перешли от смерти в жизнь, ибо любим братьев; Он положил за нас душу Свою, поэтому и мы должны полагать душу за братьев». Более того – отсюда, из свидетельства о воплощенном Слове, получает он свое обоснование: «Христос должен быть Господом всех, если он должен быть Господом» (Из «Веллес стюарт Лектурс» епископа Гора, 1929). Этот порыв к общественному служению любви многих лучших представителей англиканства, укорененный в проповеди о славе воплощения Господня, есть особо ценная черта наряду с повышенным евхаристическим благочестием в нынешнем религиозном опыте Англиканской Церкви, – черта, *поучительная и для нас*. Но этот процесс *рекафолизации* (при этом, повторяю, не по линии археологической реставрации, а по линии все большего приобщения к полноте жизни церковной) еще не закончился в англиканстве, встречает некоторые внешние и внутренние препятствия (внешние: некоторая официальная связанность полемически окрашенными, отчасти протестантизирующими формулировками XVI века [23]; внутренние: сопротивление некоторых – не очень многочисленных, но влиятельных или пока еще влиятельных – протестантизирующих кругов). Поэтому так стремится Англиканская Церковь найти точку опоры в Православии – в стержне непрерывного потока соборной жизни Православной Церкви. Ввиду этого велика и *ответственность Православия* по отношению к англиканству: мы *не имеем права отвернуться* от братской руки, протягиваемой нам и ищущей духовной поддержки у нас. Мы обязаны своим сочувствием и помощью способствовать все более полной рекафолизации Англиканской Церкви. Если Православная Церковь не исполнит этого своего долга, то есть опасность (уже отчасти осуществляющаяся теперь), что некоторые, а пожалуй, и многие, из наиболее церковных и кафолически настроенных кругов англиканства перейдут к Риму, с которым их ведь связывает общее дореформационное прошлое, его культурно-бытовая, каноническая и литургическая традиция.

С этой точки зрения – духовной, нравственной поддержки англиканству со стороны Православия (без малейшей, конечно, мысли о каких-либо уступках в области веры или в области благодатного действия Духа Божия, живущего в полноте жизни церковной) – недавно происходившая встреча (с 14 по 20 октября сего года в Ламбетском дворце архиепископа Кентерберийского) представителей православных автокефальных

Церквей и Англиканской Церкви не может быть признана вполне удовлетворительной. Русская Церковь не была представлена на этой встрече, между тем без Русской Церкви не может быть истинного представительства Православной Церкви. <...>

Русская Церковь, с ее ярко подчеркнутой патристической созерцательно-мистической тенденцией, с ее ярким сознанием динамичности и органической соборности Церкви, с ее сосредоточением мысли на чисто иоанновском созерцании славы воплощенного Слова, с ее богословием, вытекающим из богослужения и из созерцательно-мистического богословия отцов, с ее чуждостью духу схоластики (который ей, разумеется, старались привить, но который к ней не привился и который со времен митрополита Филарета и особенно Хомякова и аскетико-мистической деятельности оптинских старцев и их круга, все более и более преодолевался духом и истинной традицией отцов), отсутствовала. <...>

Если бы голос русской богословской традиции, воспитанной больше на отцах, чем на позднейших схоластических определениях, был веско слышан, то многие односторонности в способе изложения были бы преодолены или уравновешены. Это облегчило бы разговоры с англиканами и сосредоточило бы рассуждения, прения и споры не на тех пунктах, где, собственно, уже господствовало почти полное единство мнений (может быть, лишь с разницей в ударении) между обеими сторонами (единство, лишь затемненное однобоко схоластическим изложением), а на тех, где действительно существуют серьезные затруднения и препятствия для сближения.

И далее, еще раз хочется особенно подчеркнуть большое и сильное впечатление от горячего благочестия присутствовавших представителей Православной Церкви (к сожалению, не всегда адекватно представленное в схоластическом способе аргументации) и от их горячей и глубокой, органически жизненной привязанности Православной вере. Это глубокое благочестие нашло себе замечательное выражение в чудном богослужении в греческой лондонской церкви 18 октября 1931 года. Пять иерархов (Германос, митрополит Фиатирский; Феодосий Тирский и Сидонский; Поликарп Фессалийский; Леонтий Пафосский и Ириней Новосадский) совершали вместе с греческим архимандритом о. Константинидисом литургию Иоанна Златоуста. Сама церковь большой красоты – в стиле Св. Софии Константинопольской; пение было исключительной художественности и молитвенности. Служба происходила на греческом языке, отдельные возгласы произносились на церковнославянском и арабском языках. Присутствовавший в церкви, но не участвовавший в служении митрополит Черновицкий Нектарий прочел на румынском языке Символ веры и «Отче наш». После литургии преосвященный Ириней Новосадский произнес глубоко трогательную и горячую проповедь о страданиях и мученическом венце Русской Церкви на русском языке, которую тут же по частям перевел на греческий язык о. архимандрит Константинидис. Это было глубоко прочувствованным выражением истинного единства веры и братского единения во взаимной любви Православной Церкви. Англиканские епископы и прелаты (еп. Глостерский, еп. Гибралтарский, еп. Фульгемский и еп. Северной Индианы и два каноника) сидели на боковой скамье перед алтарем (около солеи) и были, по-видимому, под большим впечатлением молитвенного подъема православного богослужения.

Вот эта религиозная сила и подлинность (несмотря на сухость языка школьного богословия) со стороны представителей Православия, которую я ощутил на этой

конференции, равно как и глубокое, сосредоточенное центральное христианское благочестие представителей англиканизма (опасность для англиканцев лежит в другой плоскости – в склонности к дипломатизму, дипломатическим компромиссам и недоговоренности) – вот большой и верный залог того, что дело это, несмотря на ряд действительных объективных трудностей, равно как и на затруднявшую – ненужным, по-моему, образом – разницу богословского выражения, не заглохнет.

---

* Статья опубликована в парижском журнале «Путь» (№ 31. Декабрь, 1931. С. 76-88). Здесь печатается с сокращениями.

21. Сравни, напр., замечательную книгу епископа Гибралтарского Ф. Е. Н. Вика «Полнота Жертвы». (1930. Макмиллан).

22. Сравни, между прочим, книги Торнтон «Воплощенный Господь» (1929) и «Очерки о Троице и Воплощении» (1928), вышедшие под редакцией д-ра Ровлинсона.

23. Некоторые из 39 «Статей исповедания», главным образом статья XXVIII (первый абзац), V, а также некоторые выражения в статьях XXXI, XXII и XIX и так называемая «Черная рубрика» (примечание к «Чину причащения»).